

Бай Ян смотрел на Цинь Бугуя, явившего миру своё холодное, дерзкое и непокорное истинное лицо, и чувствовал, что сердце его забилося ещё чаще. Взгляд невольно скользнул к расстёгнутому воротнику, но вскоре он заметил множество ран на теле Цинь Бугуя. Сердце его сжалось от боли, глаза наполнились слезами, и, не раздумывая, он расстегнул его одежду, закатал рукава, увидел эти следы страданий — повсюду, такие, что дух захватывало, — и слёзы сами покатались из глаз. Голос дрожал от ярости:

— Кто это сделал?! Как такое могло случиться?!

— Ли Чжужань и компания... — лениво и беспечно ответил Цинь Бугуй. — Сейчас говорить об этом бесполезно. Завтра все эти воспоминания померкнут.

Бай Ян и думать забыл о том, что всё забудет, и потому нет смысла переживать. В ярости он вскочил на ноги и закричал:

— Я найду их! Я убью этих тварей!

Эти слова подали Цинь Бугую идею. Он задумался, есть ли смысл устранять Ли Чжужаня здесь и сейчас, но, вспомнив, что днём Близнецы всё ещё «живы», отбросил эту мысль.

Разбираться с ними придётся днём. Убийство в мире кошмаров бесполезно — по крайней мере, с его точки зрения. Он не знал, что умершие на самом деле мертвы, а живые — всего лишь контролируемые трупы.

Однако...

Цинь Бугуй задумчиво поразмыслил.

Если Лоу И — властитель этого мира и он затащил сюда всех, кто его травил, чтобы наказать их, то почему здесь оказались староста, парень в кепке, его вторая личность и Бай Цяньюй?

Разве Лоу И не любил Бай Цяньюй до безумия?

Бай Цяньюй, казалось бы, не делал Лоу И ничего плохого...

Профессор перед экраном анализировал ситуацию:

— Лоу И, должно быть, вспомнил о том, что произошло перед смертью, подобно тому, как это случилось со Львом.

Днём, когда душа Лоу И всё ещё пребывала в теле Цинь Бугуя, подобно тому, как сам Цинь Бугуй забывал ночные события, ощущения от смерти становились туманными, словно в кошмаре.

Ночью же он возвращался в свой настоящий мир, вспоминал всё и осознавал, что мёртв. Он сходил с ума, погружался в отчаяние, его разум создал это подземелье, где сама боль обрела форму и стала монстрами, атакующими всех, кого он сюда затащил.

Начальник группы размышлял:

— То, что днём Лоу И управлял марионетками, чтобы вредить другим знакам, подтверждает это. Его атаки были целенаправленными, он помнил всё до смерти... Тогда и Бай Цяньюй, должно быть...

Профессор кивнул:

— Да. Лоу И при жизни тоже пострадал от Бай Цяньюя. Тот подружился с Ли Чжужанем, отверг Лоу И, насмеялся над ним... Сделал многое, что Лоу И счёл непростительным.

Можно сказать, Бай Цяньюй сыграл в смерти Лоу И немалую, если не ключевую роль.

То, что теперь он стал объектом мести, вполне закономерно.

Посмертное воздаяние справедливо настигает каждого причастного. Злой дух на собственном примере доказал это.

Хотя этот Бай Цяньюй и тот — не один и тот же человек, Лоу И, вероятно, этого не различает.

Цинь Бугую, уловившему неладное, не давала покоя месть Лоу И Бай Цяньюю. Он взял Бай Яна за руку и увёл из угла, сказав:

— Если нас переместило в то же место, что и прошлой ночью, значит, этот «прогресс» имеет начало и конец, в нём есть смысл.

Если это подземелье — порождение боли Лоу И, то, будучи тюрьмой, оно должно иметь выход. Если это боль, то у неё должно быть завершение.

Если бы у подземелья не было выхода, и оно лишь бесцельно мучило бы их, бросая в случайные опасные места и лишая всяких ориентиров, — это было бы куда логичнее.

Бай Ян всё ещё не мог до конца осознать разительную перемену в характере Цинь Бугуя. Он смотрел на запястье, за которое тот его держал, и лицо его покраснело. — Что... что ты имеешь в виду? — растерянно пробормотал он.

Цинь Бугуй, не любивший лишних слов, видя, что собеседник не понял, кратко изложил суть:

— Выберемся из подземелья — избавимся от ночных кошмаров.

Бай Ян долго и внимательно думал, а затем сказал:

— Как в игре: ночью мы проходим локацию, а днём игра сохраняется. Раз есть сохранение, значит, локация не бесконечная, случайно сгенерированная, а имеет начало, конец, выход и финал, да?

Цинь Бугуй с лёгким удивлением оглянулся на Бай Яна и кивнул:

— Верно.

Увидев его довольную ухмылку, Цинь Бугуй не удержался:

— Ты на самом деле умён.

Общаться с Бай Яном было нетрудно, они понимали друг друга с полуслова.

— Я не умён, — засмеялся Бай Ян. — По крайней мере, не настолько, как ты. Но я очень стараюсь понять каждое твоё слово. Я прилагаю усилия.

Цинь Бугуй на мгновение замер, затем отвернулся, и уголок его губ дрогнул в лёгкой улыбке.

— Правда? — произнёс он как можно ровнее.

С этими словами он остановился, настороженно глядя на появившегося впереди монстра.

Знакомый силуэт, словно детский рисунок, двигался по тёмному коридору подземелья. Линии его были хаотичны, конечности — причудливо искривлены. Голова напоминала небрежно нарисованный многоугольник, а две ноги разной длины придавали походке неустойчивость.

— Прямо как каракули ребёнка... — прошептал Бай Ян. — Да ещё и ребёнка с сильно повреждённой психикой...

Сухое, плоское, словно вырезанное из бумаги тело монстра держало в руках огромный боевой топор. Лезвие его было залито яркой, режущей глаз краской и имело настолько грозную форму, что в его разрушительной силе не оставалось сомнений.

Опасаясь, что монстр швырнёт топор с дальнего расстояния и разрубит их пополам, Бай Ян без колебаний оттянул Цинь Бугуя за собой. Опыт прошлой ночи придал ему смелости.

Что важнее, он отчётливо видел: тело монстра состоит из бумаги. Достаточно проткнуть его остриём циркуля — и победа достанется без особых усилий.

Бай Ян издал низкий крик, остриё циркуля без труда вонзилось в тело монстра, и он, приложив силу, рассек его пополам.

Едва на его лице начало появляться радостное выражение, Цинь Бугуй поднял руку, схватил его за воротник и резко дёрнул назад. Верхняя часть монстра, лежащая на полу, взмахнула топором, и в воздухе сверкнула огромная серебристая дуга. Топор с оглушительным грохотом врезался в стену всего в нескольких сантиметрах от Бай Яна. Мгновенно во все стороны полетели осколки камня, взметнулось облако пыли.

Сердце Бай Яна заколотилось. Он смотрел на монстра, разрезанного пополам, но всё ещё живого и активного, и не мог поверить своим глазам:

— Что это за тварь?!

Пусть вчерашние монстры и были нелепы, но, будучи разрезанными на части, они теряли способность двигаться и больше не представляли угрозы. Этот же бумажный монстр даже в двух частях оставался проворным, и, более того, из-за увеличения количества стал ещё опаснее — как с ним справиться?!

Ноги, лишённые туловища, неистово бросились вперёд, атакуя Бай Яна пинками. Туловище, лишённое ног, использовало руки как конечности и карабкалось с не меньшей скоростью. Огромные топоры в его руках размахивались со свистом, обрушиваясь на стены, словно на мягкий тофу, и в мгновение ока коридор вокруг превратился в руины.

Увидев такую разрушительную мощь, сравнимую с танковой, Бай Ян с тревогой воскликнул:

— Так нельзя, надо бежать!

Цинь Бугуй молчал. Он пристально смотрел на два тела монстра, размышляя: эти бумажные монстры... их суть — в самой бумаге или в нарисованном на ней изображении?

Бумагу можно резать, мять — и она всё равно сохранит способность двигаться. Даже

превратившись в клочки, она, возможно, сможет летать по ветру, резать, следовать за шагами людей и причинять им вред.

Но почему же это удобное тело подчиняется тому, что нарисовано?

Например, эти ноги, лишённые туловища — почему они не могут летать, а лишь бегут по земле? Почему не могут прыгать на одной ноге, используя вторую как оружие?

<http://bllate.org/book/16254/1462418>